

УДК 339.924

ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПРОЦЕССА МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: К ТЕОРИИ ВОПРОСА

Мираньков Д. Б.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: inecondp@mail.ru

В статье проводится анализ основных научных направлений и авторских теорий, исследующих негативные факторы, воздействующие на процессы международной экономической интеграции (МЭИ). Для этого на основе периодизации этапов МЭИ произведена общая оценка теоретических разработок, увязывая их с практикой современных интеграционных процессов.

Ключевые слова: международная экономическая интеграция, интеграционные процессы

ВВЕДЕНИЕ

Знаковым и системообразующим явлением мировой экономики последних 50 лет стала международная экономическая интеграция – процесс хозяйственного и политического объединения стран на основе развития глубоких устойчивых взаимосвязей и разделения труда между национальными экономиками.

Экономическая интеграция уже изначально обеспечивает ряд благоприятных условий для взаимодействующих сторон.

В первую очередь, интеграционное сотрудничество дает хозяйствующим субъектам (товаропроизводителям) более широкий доступ к разного рода ресурсам: финансовым, материальным, трудовым, к новейшим технологиям в масштабах объединенного региона, а также позволяет производить продукцию в расчете на емкий рынок всей интеграционной группировки. Следует учитывать и вторую выгоду. Она заключается в экономическом сближении стран в рамках группировки, создает привилегированные условия для субъектов деятельности стран-участниц экономической интеграции, защищая их в определенной степени от конкуренции фирм третьих стран. В объединениях такого рода присутствует и третий положительный момент – совместно решать наиболее острые социальные проблемы, такие как выравнивание условий развития отсталых районов, смягчение положения на рынке труда.

Дух оптимизма, охвативший экономическую науку после удачных опытов интеграции в Западной Европе, а затем на американском континенте в 80–90-е годы прошлого века, породил немало надежд и толкований, связанных с возможностями этого процесса. После того как чрезмерный упор на позитивные стороны МЭИ был ослаблен, обнаружились отрицательные стороны взаимодействия воспроизводственных структур интегрирующихся субъектов.

Несмотря на стремительные темпы и расширение географического поля интегрирующихся межстрановых союзов, в самой природе МЭИ заключен ряд противоречий, снижающих ее эффект. Именно они обособляют МЭИ от других явлений интернационализации хозяйственной жизни. Основное из них –

взаимодействие национальных хозяйств происходит с резкой степенью интенсивности и взаимной выгоды для интегрирующихся субъектов – было отмечено уже в национальных формах МЭИ. В первой форме МЭИ (free trade area), несмотря на преференции в таможенной сфере и отмену количественных ограничений во внешней торговле, льготные условия не распространяются на продукцию аграрной сферы. Это ставит в неравноправные отношения Мексику по отношению к США и Канаде (НАФТА), Исландию по отношению к союзникам по ЕАСТ. Аналогичная аграрно-товарная проблема не снята в ЗСТ между Венесуэлой, Колумбией и Эквадором. Восприятие выгод формы интеграции (economic union) как бесконфликтного многофункционального сотрудничества также далеко от идеала. Призванная устранить различные формы дискриминации между странами – участницами интеграции в форме политического и экономического союза, постоянно порождает союзнические противоречия в системе либерализации импорта, а увеличение масштабов такой группировки усиливает проблемы распределения совместных финансовых ресурсов, ведет к росту издержек функционирования общих структур. Последние демарши в системе Евросоюза – явное тому доказательство.

Указанные процессы привели к изменению устоявшихся воззрений на содержание и предназначение МЭИ в меняющемся мировом сообществе.

Первые попытки теоретического обоснования интеграционных процессов приходятся на 70–80-е годы XIX века и связаны с разработками Ф. Листа, В. Ромена и ряда других представителей немецкой школы. Поскольку в них рассматривались военные и политические аспекты интеграции государств, этап обоснования необходимости МЭИ приходится на 30-е годы прошлого столетия. Обоснование термина «экономическая интеграция», обоснование целесообразности ее применения в межстрановом сотрудничестве находят в работах немецких и шведских экономистов.

До середины XX века модели МЭИ были простыми и учитывали мало переменных, не нацеливая на конкретную практику межгосударственного взаимодействия.

Процесс развития устойчивых экономических связей стран, выход воспроизводства за рамки национальных хозяйств активизировались только после окончания Второй мировой войны. Формированию реальной МЭИ в значительной степени способствовали принципы межстранового сотрудничества, закрепленные в уставе ООН.

Переломными стали послевоенные годы, когда Я. Тинбергенем была разработана концепция позитивной и негативной интеграции. В трудах Ф. Перру и Г. Мюрдаля эта концепция переросла в отдельное направление экономической теории – дирижизм, основанный на принципе формирования системы индикативного планирования экономики стран, вовлеченных в процессы интеграции. Отрицание решающей роли в МЭИ рыночного механизма, формирование участниками общей экономической политики, координация и унификация законодательства нашли определенную поддержку в процессе формирования «общего рынка».

Несмотря на разнообразие теорий МЭИ, ключевая роль по-прежнему принадлежит концепции Д. Вайнера, который рассматривал экономическую

интеграцию как динамический процесс, выделив стадии ее развития, ставшие хрестоматийными.

В экономической литературе сформировался явный консенсус в отношении положительных эффектов, возникающих в процессе ступенчатой МЭИ. Поэтому даже исследователи процессов евроинтеграции с осторожным оптимизмом смотрят на практику, тем более, перспективы евроинтеграционного сотрудничества.

В современной отечественной экономической литературе акцент с изучения таможенных союзов, оценки их экономического эффекта и рисков смещается к более общим вопросам. Появляются работы, раскрывающие эволюционные процессы МЭИ, а также концептуальные границы данного понятия.

Цель исследования – проанализировать основные теоретические подходы в отношении факторов, ограничивающих процессы МЭИ на разных этапах ее развития.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Экономическая динамика стран неизбежно ведет к расширению их выхода на внешние рынки, росту международных связей, что в итоге благоприятствует интернационализации хозяйственной жизни. Из сложившегося тройственного толкования этого процесса именно восприятие интернационализации как фактора «формирование устойчивых международных связей в производственной сфере на основе международного разделения труда» [1, с. 88] создает объективные основы межстранового сотрудничества.

В отечественной экономической литературе интернационализация производства трактуется как обобществление производства в международном масштабе. Длительный период времени международное обобществление производства (МОП) носило формальный характер: страны участвуют в международном разделении труда при наличии различных барьеров. И только XX век стал временем формирования нового этапа в области интернационализации производства, который получил название интеграционного. Экономическая интеграция как высшая форма интернационализации хозяйственной жизни существенно отличается от традиционного хозяйственного сотрудничества стран. Здесь усилен принцип комплексобразования, возможности совместного использования ресурсов, внешнеторгового обмена в результате либерализации или полной отмены таможенных режимов. Зарождению и росту МЭИ способствовали и закономерности развития глобальной экономической системы. Помимо присущей интеграции организованности, новизны (совершенства), разнообразия, ее характеризует интегрированность. Именно механизм интеграции делает глобальную систему более взаимосвязанной и целесообразной [2, с. 52]. Курс на интеграцию связан и с тенденциями функционирования мирового экономического пространства:

- 1) углубление взаимозависимости стран;
- 2) превалирование работы важнейших отраслей экономик на внешних рынках;
- 3) связывание большинством стран своего конкурентного преимущества с перспективами участия в МРТ [3, с. 9].

Одновременно МЭИ – многомерное явление в глобальной хозяйственной среде. Интеграционные процессы касаются отдельных сфер и отраслей деятельности разных стран. Эти же процессы происходят в пределах национальных экономик интегрирующихся стран. Именно региональная экономическая интеграция, зарождение которой пришлось на вторую половину минувшего века, по мнению М. Портера, позволяет повысить конкурентоспособность стран и всей группировки за счет образования отраслевых кластеров.

А. Предоль видит в МЭИ возможность создания обширного хозяйственного пространства, свободного от пересекающих его государственных границ. По мнению М. Алле, именно интеграция создает единый рынок, внутри которого не существует никаких преград для миграции товаров, капиталов и людей. Подводя итог данным дефинициям, можно высказать суждение: необходимость интеграции связывается с факторами, позитивно воздействующими на экономику объединяющихся стран.

Одновременно страны стремятся к интеграции своих экономик для преодоления «фактора ограниченности» (сырье и другие факторы производства). Наличие этого фактора способствовало росту масштабов производства, развитию товарной дифференциации и развитию новых технологий. С ними связаны и первые учения в генезисе интеграции. Они получили названия традиционной теории, которая обосновала необходимость ликвидации торговых барьеров и внедрения нормативных элементов в управлении товарными потоками в условиях расширяющегося рынка и формируемого таможенного союза. Именно традиционная теория в лице ее авторов (П. Робсон, А. Рюгман) дает наиболее полное представление и обоснование создания новых товарных потоков между приграничными странами в процессе интеграции. Именно эти авторы разработали подход, согласно которому рост масштабов производства в условиях МЭИ происходит в результате статических факторов (обосновывают размеры предприятий) и динамических факторов (обосновывают процесс и номенклатуру производства). По мнению П. Робсона и А. Рюгмана, это ведет к росту конкуренции, понижает защищенность национальных производителей. Но этим фактором список сил и обстоятельств, ограничивающих МЭИ, не исчерпываются. Дуализм в мнениях сложился в отношении роли рыночного фактора в МЭИ.

Представители раннего неолиберализма (1950–1960 гг.) В. Репке и М. Алле под полной интеграцией понимали создание единого рыночного пространства в масштабе нескольких стран. Его функционирование осуществляется на основе действия стихийных рыночных сил и свободной конкуренции независимо от экономической политики государств и существующих национальных и международных правовых актов. По их мнению, вмешательство государства в сферу международных экономических отношений порождает такие негативные факторы, как инфляция, разбалансированность международной торговли, расстройство платежей.

Представитель позднего неолиберализма – американский ученый Б. Баласса – рассматривал проблему интеграции в несколько иной плоскости: ведет ли экономическая интеграция к более интенсивному участию государства в экономических делах. Большое внимание уделялось эволюции интеграции,

происходящей на основе как экономических, так и политических процессов. Данный исследователь сделал попытку измерения эффектов создания и отклонения торговли внутри Евросоюза, которая до сих пор считается классической.

Для измерения эффектов автор использовал показатель фактической эластичности по доходам спроса на импорт, рассчитываемый как частное среднегодового изменения импорта и ВВП в постоянных ценах.

Концепция Б. Балассы исходила из следующих предположений:

– если бы страны не образовали ЕС, эластичность спроса на импорт во всех из них осталась бы неизменной;

– рост эластичности спроса на импорт из страны, входящей в ЕС, представляет собой эффект создания торговли в широком смысле слова независимо от того, замещает ли этот импорт внутреннее производство или производство в странах, не входящих в ЕС;

– падение эластичности спроса на импорт из стран, не входящих в ЕС, представляет собой эффект отклонения торговли;

– рост эластичности спроса на импорт из всех стран, как входящих, так и не входящих в ЕС, представляет собой эффект создания торговли в буквальном смысле слова, поскольку свидетельствует о том, что страны ЕС стали более восприимчивы к импорту.

Б. Баласса сравнил эластичность спроса на импорт стран ЕС в 1953–1959 гг., то есть до образования интеграционной группировки, с тем же показателем в 1959–1970 гг. по 7 отраслям. В соответствии с полученными результатами образование ЕС имело эффект создания торговли весьма существенных размеров. Если до создания ЕС каждый 1 % роста ВВП приводил к увеличению торговли между странами на 2,4 %, то после создания ЕС – на 12,5 % больше [4]. Общий эффект создания торговли (т. е. рост эластичности спроса на импорт из всех стран) по расчетам автора составил порядка 10 % и особенно четко проявился в европейской топливной промышленности и машиностроении.

Помимо свободы торговли, не существует альтернативной торговой политики, которая обеспечивала бы рост совокупного благосостояния. К такому выводу пришел еще до практической МЭИ английский экономист Дж. Мидд в своей теории «второго лучшего» (1955 г.). В книге «Теория таможенных союзов» автор доказал, что создание этой организационной формы МЭИ, как правило, приводит к увеличению экономического благосостояния стран, даже в случае возникновения (отрицательного) эффекта отклонения торговли: «...Однако таможенный союз может приводить и к образованию новых направлений международной торговли, поскольку один из партнеров теперь может осуществлять экспорт на рынок другого партнера и сбить там цены, установленные действующей там отраслью; и такое нововведение приводит к перемещению ресурсов в более эффективную и экономичную производственную систему» [5, с. 708].

Учитывая негативную роль рыночного фактора, представитель структурализма – шведский экономист Г. Мюрдаль – критически отнесся к идее полной либерализации движения товаров, капитала и рабочей силы в интегрируемом пространстве. По его мнению, свободное функционирование рыночного механизма может привести к

определенным диспропорциям в развитии и размещении производства, углублению неравенства в доходах. Поэтому экономическая интеграция рассматривалась им как глубокий процесс структурных преобразований в экономике интегрирующихся стран, в результате которых возникает новое совместное пространство с более национальным хозяйственным устройством.

Одно из основных сомнений в тотальных позитивных возможностях МЭИ навеяно идеями неокейнсианства. Его представители считали, что центральная проблема состоит в том, как уберечь многообразные выгоды международного экономического взаимодействия от ограничений и в то же время сохранить максимальную для каждой страны-участницы степень свободы. В этой связи было выдвинуто два возможных варианта развития МЭИ. Первый предполагал интеграцию с последующей утратой национальной свободы с неизменным согласованием экономических целей и политики. Второй вариант предусматривал интеграцию на условиях сохранения атрибутов национальной автономии. Исследования Р. Купера и А. Филипа привлекли внимание практиков, предполагая, что ни один из указанных вариантов не может быть представлен в чистом виде. Они считали необходимым их оптимальное сочетание путем согласования внутренней и внешней экономической политики интегрирующихся сторон.

В целом же понимание четко различающихся двух взаимосвязанных сторон интеграции: ее экономических целей и организационно-политических способов достижения проникало в процессы реальной МЭИ довольно медленно и не всегда эффективно. Примером может служить практика расширения членства стран-участниц Евросоюза: 1 мая 2004 г. его состав увеличился на 10 стран Центральной и Восточной Европы. Их присоединение в целом отвечало требованиям членства в ЕС, однако в основе носило геополитический характер. Семнадцатилетие членства «новых» государств в ЕС воспринимается в исследовательской среде неоднозначно. Доводы об эффективности такого членства зависят от сторон геополитического баланса. В российских исследованиях преобладает пессимистическая версия, в оценке самих стран-участниц господствуют мажорные подходы, западные исследователи пытаются придерживаться сбалансированной версии, но с учетом позитивных выводов [6, с. 38]. В этом случае более приемлем геэкономический анализ, предполагающий исследование воздействия десяти факторов [7, с. 17] на социально-экономическое развитие при активизации международного сотрудничества. Даже в приближенных оценках вырисовывается патовая ситуация, когда совокупные ресурсы Евросоюза пополнились сателлитами и новыми межгосударственными проблемами, а дополнительные ресурсы и преференции вошедших государств не создали основу эффективного развития. Продолжая анализ, следует указать, что разновидностью наиболее позднего неокейнсианского направления в 80–90-е гг. XX века стал дирижизм. Его теоретики (Я. Тинберген, Р. Санвальд) отрицали решающую роль в интеграционных процессах рыночного механизма и считали, что создание и функционирование международных экономических структур возможно на основе разработки интегрирующимися сторонами общей экономической политики, согласования социального законодательства, координации кредитной политики. Это направление

экономической мысли наиболее предметно разработано Я. Тинбергеном). Автор обосновывал идею добровольного сокращения странами-участницами МЭИ своих суверенных прав на основе взаимного согласия, а не воли какой-либо супердержавы. Позитивная идея функционального и национального суверенитета, и на этой основе национального разграничения властных полномочий в среде интегрирующихся стран нашла практическое применение при создании наднациональных органов ЕС: Европарламента, Комиссии Европейских сообществ, а также Совета Министров, координирующего бюджетную и общеэкономическую политику государств-участников.

Данная идея имеет все основания для использования в интеграционном строительстве на постсоветском пространстве, в частности для стран Евразийского экономического союза. В то же время выделяют ряд проблем этого процесса, основные из которых организационно-политические, в частности сложность унификации законодательства государств-участников [8, с. 28].

Обращение к научному наследию Я. Тинбергена позволяет выявить прикладной характер его идеи о полюсном характере экономической интеграции. Если негативная интеграция предполагает устранение межстрановых барьеров, то позитивная интеграция через институционально-законодательные структуры еще больше усиливает взаимодействие в системе складывающихся форм МЭИ. На практике это проявляется в стадийности интеграции и в итоге создании ее высшей формы – экономического и политического союза.

Подводя итог в характеристиках, укажем на сформированность разных теорий по направлению экономического анализа, учитывающих факторы, ограничивающие процесс МЭИ на всех уровнях. Будущее покажет, сохранят ли экономисты интерес к проявлению негативных сторон международной экономической интеграции. Но каким бы ни было значение данного процесса в мировой экономической мысли, его представители осуществляли объективный факторный анализ этого сложного и противоречивого процесса, что в конечном счете оказало каталитическое воздействие на теорию и практику международной экономической интеграции.

ВЫВОДЫ

Произведенный анализ факторных теорий, исследующих позитивные и негативные процессы МЭИ, позволяет сформулировать ряд выводов.

1. Экономическая интеграция на протяжении последних 60-ти лет относится к числу ключевых и динамичных направлений международной деятельности. Успешное развитие экономической науки трудно представить вне связи с теорией, определяющей концептуальные основы интеграционных процессов. Историческое становление теории является хорошей иллюстрацией того пути, который прошла мировая экономическая наука, полагаясь на разработанные концепции и модели интеграционных процессов. При этом только позитивистский подход исследования сущности и предназначения МЭИ с позиций здравого смысла, тем более конструктивизма, был весьма сомнительным с позиций вероятности.

2. Помимо преобладающих позитивных сторон в практике МЭИ присутствуют факторы, негативно воздействующие на данный процесс. Свидетельства тому мы находим в исторических экстерналиях интеграционной практики: от ЕОУС до новых организационных форм (ШОС, АТЭС). В теоретическом плане это не означает произвольное априорное приписывание противоречиям и неопределенностям только результирующей воздействия субъективных негативных факторов.

Негативные стороны МЭИ прошли в теории этого вопроса ряд последовательных стадий: от интуитивной к логической и математической вероятности двойственного процесса экономической интеграции.

3. В итоге концептуализация МЭИ как явления и динамичного процесса связана с ее двойственным характером. Это накладывало на выдвигаемые гипотезы экономического интеграционного процесса непреходящий дуализм в подходах, который не всегда выдерживался, а если и возникал, то с явным запаздыванием. Примером служит ставшая классической попытка определить эффекты создания и отклонения торговли в границах ЕЭС (Б. Баласса, 1974 г.), предпринятая через 18 лет после создания данной интеграционной группировки.

В заключение отметим, что рассмотренные направления исследования вопросов как позитивных, так и негативных сторон МЭИ не заканчивается. Дальнейших авторских детальных проработок требуют развивающиеся в современном мире процессы дезинтеграции и реинтеграции. Обращение к этим аспектам МЭИ не только откроет новую страницу в тексте мировой экономической истории, но и создаст возможности ее применения в практике развернувшегося интеграционного сотрудничества стран.

Список литературы

1. Геоэкономические технологии в современном мире: словарь-справочник / М. Г. Никитина, В. В. Побирченко, Е. А. Шутаева. Симферополь: ДИАЙПИ, 2012. 232 с.
2. Скопин Д. Ю. Введение в экономическую географию: базовый курс для экономистов, менеджеров, географов и регионоведов. М.: ВЛАДОС, 2001. 272 с.
3. Никитина М. Г., Мираньков Д. Б. Национальная безопасность как доминанта геоэкономической стратегии // Российская Федерация в современном геоэкономическом пространстве: коллективная монография / под ред. М. Г. Никитиной. Уфа: АЭТЕРНА, 2017. С. 9–37.
4. Самосенок Л. Н. Типология эффектов региональной экономической интеграции // Российское предпринимательство. 2013. Том 14. №2. С. 118–124.
5. Мид Дж. Теория таможенных союзов. 2006. Вехи экономической мысли. Т. 6. Высшая школа экономики, Институт «Экономическая школа». М.: ТЕИС, 720. [Электронный ресурс]. URL: http://analyticalschool.org/milestones-of-economic-thought/VEH16_Meade2.pdf.
6. Дрыночкин А. В. Опыт членства в ЕС стран Восточной Европы // Международная экономика. 2017. № 5–6. С. 37–44.
7. Никитина М. Г. Геоэкономика. Очерки. Симферополь: Таврия-плюс, 2002. 154 с.
8. Дробот Е. В., Костылева С. О. Методы оценки последствий экономической интеграции для стран Евразийского экономического союза // Российское предпринимательство. 2017. № 1. Т. 18. С. 23–39.

Статья поступила в редакцию 26.09.2018